

К вопросу о «поощрении» и «порицании»
в греческой гражданской общине
(по материалам Ольвии эллинского периода)

реди множества аспектов изучения истории древней Ольвии одним из самых интересных и неоднозначных является исследование морально-этической стороны жизни ее гражданского коллектива. Без ясного понимания системы нравственных норм, вычленения категорий добродетели и порока, характерных ольвийскому обществу, невозможно объективно оценить внутренние механизмы функционирования гражданской общины и реальное положение человека в ней. Однако в историографии Ольвии эта проблема не получила должного освещения. Традиционно главным объектом исследования в вопросах мировоззрения являются духовная культура Ольвии, повседневная жизнь¹. Подготовленный А. С. Русяевой очерк о нравственных и этических идеалах ольвиополитов, рассматривает проблему в большей степени в идеологическом аспекте и не дает полного представления о конкретных морально-этических нормах общества, динамике их развития². Во многом слабое внимание к рассматриваемой проблеме объясняется состоянием источниковой базы. Фактическое отсутствие наиболее информативных литературных свидетельств по данному вопросу, сложность работы с другими видами исторических источников, в особенности с граффити и дипинти, специфика их интерпретации, приводят в современной историографии к разночтениям в изучении ольвийской гражданской общины³. Данное исследование нацелено на поиск подходов к выявлению основных нравственных категорий и уточнение имеющихся представлений о способах выражения поощрения и порицания в ольвийском обществе второй половины VII в. до н. э.—середины I в. до н. э. Обращение к эллинскому периоду истории полиса⁴ вызвано стремлением отразить типичные черты нравов ольвиополитов, вне римского влияния на общество и культуру.

При попытке восстановления нравственного кодекса ольвиополитов мы сталкиваемся с проблемой крайней лаконичности античных литературных источников, что характерно для всего комплекса научных проблем, связанных с социокультурной историей Северного Причерноморья. Речь может идти фактически только о двух свидетельствах античных авторов — об упоминаемой Геродотом легенде о царе Скиле (Herod. IV, 78–80) и сообщениях Диона Хризостома (Dio Chrys. Orat. XXXVI, 1–18), побывавшего в Ольвии в I в. н. э. Замечание Диона об ориентире жителей полиса на древние традиции, упоминание о том, что «борисфениты усердно читают Гомера и Илиаду почти всю

знают наизусть... а некоторые из них любят и Платона» находит реальное подтверждение в эпиграфических материалах V—IV вв. до н. э. Почетный декрет IV в. до н. э. в честь неизвестного ольвийского гражданина указывает на его приверженность к заветам отцов (κατὰ τὰ πατρία) (IOSPE, № 325). Одно из ольвийских граффити V в. до н. э. интерпретируется Ю. Г. Виноградовым как начальные строки из киклической поэмы «Малая Илиада»⁵. Приведенные свидетельства позволяют предполагать знание гражданами Ольвии на ранних этапах существования полиса архаических морально-этических представлений. В подтверждение этому опять обратимся к речи Диона Хризостома, который упоминает также о вывезенных с родины некоторых привычках ольвиополитов (οἱ ἑρῶτες οἱ τῶν ἄρρέων) (Dio Chrys. Orat. XXXVI, 8). Ольвийское гражданское общество, как и повсюду в Элладе, было, прежде всего, мужским обществом, в котором допускалась свобода нравов. Подобные «мужские вопросы» находят отражение и в беззанском граффито третьей четверти VI в. до н. э. на ионийском тонкостенном кувшинчике, использовавшемся для косметических целей: «Я кувшинчик похотливого Идана»⁶. Данная черта нравов не относилась к числу добродетелей, но и не порицалась обществом.

Античная литературная традиция позволяет говорить, что этические нормы эллинского общества были расплывчаты и не сформулированы с той точностью и категоричностью, которая присуща, например, библейским заповедям. Мораль во многом основывалась на традиции — неписаном нравственном законе, а общественный идеал периода архаики был тесно связан с обретением славы. В VI—первой половине V вв. до н. э. Ольвия была аристократическим государством⁷. Привилегированный слой ольвийской аристократии, объединенный в религиозный союз мольпов играл значительную роль в жизни полиса архаического периода⁸. В этике аристократов центральное место занимало понятие τιμή, что означало почет, служение родному полису. Это архаическое понятие продолжало играть важную роль и в классический период. Аристотель, например, рассматривает τιμή как фактор первостепенной важности в политической жизни (Arist. Eth. Nic. 1159a 15–16; 1095 b 14–31; Pol. 1302a 31–b 18). Помимо τιμή в моральный кодекс аристократии включались такие понятия, как стремление быть лучшим (ἀριστεύειν), быть первым (πρωτεύειν), продемонстрировать всем свою доблесть, в результате чего и приобретается τιμή. Одним из важнейших элементов мироощущения аристократа был ἀγών «дух соревнования»⁹. Проведение в Ольвии уже в V в. до н. э. культовых празднеств в честь Ахилла, сопровождавшихся разнообразными состязаниями (IOSPE, 32)¹⁰, позволяет говорить о наличии в ольвийском обществе вышеупомянутых добродетелей.

С середины V в. до н. э. Ольвия поддерживает тесные взаимоотношения с Афинами. В результате чего в ионийском диалекте ольвиополитов появились

аттицизмы¹¹, афинское влияние проявилось в архитектуре, скульптуре, строительном деле¹². Именно в этот период в Аттике происходит формирование представлений о традиционных эллинских этических ценностях, в число которых входят: *φρόνησις* (рассудительность, мудрость), *δικαιοσύνη* (справедливость, законность), *ἀνδρεία* (мужество, храбрость), *σωφροσύνη* (здравый смысл, следование разумной мере)¹³. Вхождение Ольвии в 30-е гг. V в. до н. э. в Афинскую архэ¹⁴ способствовало широкому распространению в полисе аттической идеологии и моральных ценностей. Важно отметить, что с V в. до н. э. в Ольвии прекращает свое существование культовый аристократический союз молепов, более не упоминаемый в эпиграфических документах. Возможно, ими были нарушены полисные законы, связанные с установившимся демократическим строем, и они были изгнаны¹⁵. Такая ситуация вполне сопоставима с присутствием в общественном сознании категории *ὑbris*, отражавшей состояние завышенной самооценки, которая приводила к нарушению общепринятых моральных норм и, как результат, изгнанию из общества¹⁶.

С установлением в первой четверти IV в. до н. э. постоянного демократического строя¹⁷, можно говорить о распространении в Ольвии моральных ценностей демократического полиса. Наиболее полное представление о них дает «Надгробная речь» Перикла, упоминаемая Фукидидом (Thuc. II, 40, 1–3). Перикл отмечает всенародный характер политической жизни, в результате чего все граждане хорошо разбираются в политике. Человек, не занимающийся общественно-политической деятельностью, в таком обществе вызывает осуждение, подчеркивается открытое обсуждение государственных дел. В таком коллективе огромное значение имели одобрение или неодобрение каждого конкретного поступка гражданина. Согласно Аристотелю, именно поощрение и порицание являлись важнейшими регуляторами поведения людей в общественной жизни (Aristot. Eth. Nic. 1109 b 30 sqq.). Репутация гражданина имела весьма важное значение при определении его места в общественной жизни, а это в свою очередь оказывало существенное влияние на его гражданский статус. С точки зрения эллинской полисной ментальности полноправный грек был обязан активно заниматься общественным или частным делом, быть открытым для своих сограждан (Aischin. I, 48, 121; Dem. XVIII, 10). Античные ораторы и писатели были единодушны в том, что только те граждане считаются достойными занимать общественные должности, у которых частная жизнь является безупречной (Aischin. I, 90, 31; Xenoph. Agesil. V, 6–7). Судя по судебным речам ораторов в греческом обществе огромное значение имела информация, полученная от соседей и друзей конкретного гражданина, которая позволяла судить об определенных чертах его характера (об отношениях в семье, обращении с родителями)

(Dem. XXXVI, 44–45; Lys. XXXI, 20–22). Такого рода информация позволяла говорить о репутации того или иного человека, помогала определить его статус, способствовала или тормозила его участие в общественной и политической жизни полиса¹⁸. В реальной жизни это приводило к распространению явления доносительства. Основной причиной доносов, по словам античных авторов, чаще всего становилось ущемление имущественных интересов или личная обида, которая играла немаловажную роль и при возбуждении общественных процессов (Dem. XXIV, 8; XXXIX, 3). Явление доносительства вполне реально существовало и в Ольвии. На это указывает Геродот, упоминающая доносчика — ольвиополита, сообщившего скифам об участии царя Скила в Дионисийских празднествах (Herod. IV, 79). В Северном Причерноморье есть и другие свидетельства сикофантизма. В херсонесской присяге упоминается о возможности существования особой формы судебных процессов, связанных с доносами частных лиц государственным чиновникам по особо важным делам. В данном случае речь идет об обязанности херсонеситов сообщать о заговорах и попытках свержения демократического строя (IOSPE, № 401). Отголосок данного явления содержится в легенде о Гикии: узнав о кознях мужа, готовившего заговор против херсонесской общины, она хочет открыть тайну властям и просит родственников собрать «первенствующих и благородных граждан города...» (Const. Porphyry. De adm. Imp. 53).

Общественное мнение в полисах очень высоко ценило всякого рода затраты на благо коллектива граждан, полиса в целом. И, наоборот, богатый человек, не тратящий часть своих средств для пользы сограждан, вызывал резкое осуждение. Именно за это Эсхин осуждал Демосфена: «Ты же богат, и все свои средства употребляешь только для собственных удовольствий» (Aeschin. III, 240). Видимо, ориентируясь на существующие общественные ценности, знаменитый ольвийский эвергет Протоген в III в. до н. э. простил городу все долги, отметив, что «для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа...» (IOSPE, № 32 В, 88–90). В период с IV по I вв. до н. э. в Ольвии существует, отмеченная в официальных декретах, практика награждения наиболее заслуженных граждан, оказавших благодеяния отечеству. В ответ на свои благодеяния ольвиополиты получали благодарность и похвалу за добродетели. Похвала проявлялась, как и повсеместно в Греции, в славе «доброго гражданина» (Dem. XVIII. 113; Lys. XXV, 12–13) и в ее материальных выражениях. В Ольвии известно установление статуй (εἰκών) (IOSPE, № 25, 67, 325), в том числе, конной (ἄνδρῆς ἑφιπλός) (IOSPE, № 34), дары (δωρεά) (IOSPE, № 25, 325), увенчание (στεφανοῦν) (IOSPE, № 25, 26, 31, 32, 34), в частности, золотым венком (στέφανος χρυσοῦς) (IOSPE, № 34) и вечное провозглашение (IOSPE, № 34). Для закрепления в обществе подобных моральных ценностей, связанных с благодеяниями отечеству, в декретах ис-

пользовались назидательные формулировки. В постановлении I в. до н. э. в честь Никерата Папиева другие сограждане призываются быть более ревностными в услугах отечеству, «ибо видят, что благодетели украшаются надлежащими почестями» (IOSPE, № 34).

Порицанию в греческом обществе подвергались общественно-опасные и противоправные действия. К их числу относились покушение на демократический строй, кража (в том числе присвоение священных даров), грабеж, осквернение святилищ, убийство. В ольвийском декрете в честь Антестерия высказывается пожелание, «чтобы законы были более гражданственными, магистраты их устанавливающие и соблюдающие стяжали заслуженную славу, а виновные наказывались», что свидетельствует о возможном наказании за нарушение законности¹⁹. Обнаружение в районе ольвийского ди-кастерия двух бронзовых псеф второй половины IV—начала III вв. до н. э. с надписью *ἱπρά*²⁰, может свидетельствовать о проводившихся здесь судебных процессах по поводу религиозных преступлений (асебея). Подтверждением существования в Ольвии подобных нечестивых поступков является упоминание в «письме жреца», объезжавшим земли, принадлежащие Ольвии, разграбления святилища бежавшими после кораблекрушения рабами²¹. В афинском законодательстве существовало шесть основных типов наказания за совершение нечестивых поступков: штраф, конфискация имущества, тюремное заключение, изгнание, лишение гражданских прав (полная или частичная атимия) (Dem. LI, 12), смертная казнь (Dem. XXIV, 138; XXII, 69; XXIII, 62). В Ольвии основными наказаниями, по всей видимости, были изгнание из Отечества, смерть, штраф и конфискации имущества (НО, № 3, 8, 45). За кражу полагалась продажа в рабство. Диоген Лаэртский, например, сообщает, что отец Биона Борисфенита был избит и продан в рабство за воровство (Diog. Laert. IV, 7). Та же участь ожидала и вольноотпущенников за нарушение законов, установленных гражданской общиной, их снова обращали в рабство (Diog. Laert. IV, 7, 46).

Чрезвычайный случай смертоубийства и возможной государственной измены косвенно подтверждают данные раскопок ольвийского некрополя. В яме первой половины IV в. до н. э. открыто коллективное захоронение 52 человек, в том числе и детей, а возможно, рабов в кандалах, убитых камнями и стрелами²³. Данное захоронение относится ко времени осады Зопириона 330–331 г. до н. э. Ю. Г. Виноградов склонен видеть в этот период наличие в Ольвии оппозиции, принявшей сторону македонского завоевателя²⁴. Возможно, так расправились с теми, кто хотел пойти на государственную измену.

Безусловно, пока это предварительные замечания, которые требуют дополнительного привлечения археологических источников и тщательного прочтения и интерпретации всего комплекса ольвийских граффити и дипинти.

Проведение анализа эпиграфических источников и свидетельств античных авторов дало возможность сравнить общие тенденции в эволюции категории добродетели с аналогичными проявлениями в Элладе. Это, в свою очередь, позволило определить степень развития гражданского коллектива Ольвии, моральное состояние общества. Гражданская община Ольвии в эллинский период представляла собой традиционное общество, в котором общественное мнение формировало определенные штампы в мировоззрении граждан, а это, в свою очередь, влияло на их поведение. Ольвийской гражданской общине характерно длительное сохранение и соблюдение традиции предков, касающейся не только неразрывного единства гражданина с богом, но и защиты этого гражданина, воспитания его в духе добродетели и любви к отчизне.

Примечания

- ¹ *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. — Киев, 1992; *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святотилища. Культы олимпийских богов и героев. — К., 2005; *Скржинская М. В.* Будни и праздники Ольвии в VI—I вв. до н. э. — СПб., 2000.
- ² *Ольвия: Античное государство в Северном Причерноморье*//Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В. и др. — К., 1999. — С. 538–554.
- ³ *Книпович Т. Н.* Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников//МИА. — 1956. — № 50. — С. 119–153; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — С. 160–163; *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Берзани и Ольвии//ВДИ. — 1980. — № 2. — С. 72–99; № 3. — С. 75–116; *Яйленко В. П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии»//Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. — М., 1985. — С. 161–237; *Яйленко В. П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии»//Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. — М., 1987. — С. 4–105
- ⁴ Современная периодизация Ольвии см.: *Крыжицкий С. Д., Крапивина В. В., Лейпунська Н. О.* Головні етапи історичного розвитку Ольвії//Археологія. — 1994. — № 2. — С. 18–44; *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье.* — С. 35.
- ⁵ *Виноградов Ю. Г.* Киклические поэмы в Ольвии//ВДИ. — 1969. — № 3. — С. 142–150.
- ⁶ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. — М., 1982. — С. 268–269, № 15.
- ⁷ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. — С. 75–76; *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье.* — С. 348.

- ⁸ *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992. — С. 193–194.
- ⁹ *Adkins A. W. H.* Moral Values and Political Behavior in Ancient Greece. — L., 1872. — P. 126.
- ¹⁰ *Русяева А. С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье//Скифский мир. — К., 1975. — С. 174–185; *Ручинская О. А.* Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья//Древности. — Харьков, 1994. — С. 73–86.
- ¹¹ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. — С. 130.
- ¹² *Карасев А. Н.* Раскопки Ольвийской агоры в 1967–1969 гг.//КСИА. — 1972. — № 130. — С. 39.
- ¹³ *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. — М., 2002. — С. 42.
- ¹⁴ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. — С. 126
- ¹⁵ *Русяева А. С.* Ольвийська демократія//Археологія. — 1994. — № 2. — С. 44–57; *Ольвия.* — К., 1999. — С. 357.
- ¹⁶ *Adkins A. W. H.* Op. cit. — P. 126.
- ¹⁷ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. — С. 135; *Русяева А. С.* Указ. соч.
- ¹⁸ *Lewis S.* News and Society in the Greek Polis. — Chapel Hill, 1996. — P. 10.
- ¹⁹ *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма//ВДИ. — 1984. — № 1. — С. 74.
- ²⁰ *Виноградов Ю. Г.* Табличка дикаста из Эрмитажного собрания//Античная балканистика. — М., 1987. — С. 16.
- ²¹ *Vinogradov Ju.* Olbia//Xenia. — Konstanz am Mein, 1981. — S. 14–18; *Русяева А. С.* Эпиграфические памятники//Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. — К., 1987. — С. 146–147.
- ²² *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. — Ч. 1. — СПб., 1997. — С. 243–246; *MacGregor M. F.* The Athenians and their empire. — Vancouver, 1987. — P. 118.
- ²³ *Козуб Ю. И.* Историческая топография некрополя Ольвии//Античная культура Северного Причерноморья. — К., 1984. — С. 162–163.
- ²⁴ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. — М., 1989. — С. 163, прим. 87.